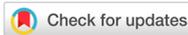

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(8), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Бабилова М. Р. Когнитивные механизмы граффити: компрессия, дефокусирование, фокусировка / М. Р. Бабилова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 171—187. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-171-187.

Babikova, M. R. (2024). Cognitive Mechanisms of Graffiti: Compression, Defocusing, and Focusing. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 171-187. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-171-187. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Когнитивные механизмы граффити: компрессия, дефокусирование, фокусировка

Бабилова Марина Рашитовна
orcid.org/0000-0003-0814-5936
кандидат филологических наук,
кафедра межкультурной коммуникации,
риторики, русского языка
как иностранного
mrbabikova@uspu.ru

Уральский государственный
педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-01487,
<https://rscf.ru/project/23-28-01487/>

Cognitive Mechanisms of Graffiti: Compression, Defocusing, and Focusing

Marina R. Babikova
orcid.org/0000-0003-0814-5936
PhD in Philology, Department
of Intercultural Communication, Rhetoric,
Russian as a Foreign Language
mrbabikova@uspu.ru

Ural State
Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-01487,
<https://rscf.ru/project/23-28-01487/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель исследования заключается в выделении наиболее распространенных когнитивных механизмов, положенных в основу граффити. В качестве материалов были использованы фотографии более 2000 единиц графических повреждений городского пространства (то есть граффити), зафиксированных в крупных городах России: Екатеринбурге, Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде. Исследование проводилось с применением контент-анализа и методом экспертной оценки. В результате анализа выделено три ключевых когнитивных механизма, лежащих в основе формирования смыслового единства граффити. Первый — когнитивный механизм компрессии, материализующийся в графических повреждениях городского пространства средствами языковой игры или трансляцией дискурсивных текстов. Второй — когнитивный механизм дефокусирования, языковая актуализация которого осуществляется через прием абсурдизации (повседневный якорь нелогичности) и активизацию эмоции удивления. Отмечается, что удивление провоцирует различные реакции адресата на увиденное и прочитанное — это потеря контроля, растерянность, неопределенность, что в последующем приводит к длительной фиксации в памяти тех смыслов, которые были заложены в соответствующие граффити, на фоне яркого и нетипичного психоэмоционального состояния. Третий — когнитивный механизм фокусировки, языковым воплощением которого являются тексты-философствования.

Ключевые слова:

вандализм; вандально нанесенные тексты; граффити; когнитивные механизмы; языковые механизмы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study aims to identify the predominant cognitive mechanisms underlying graffiti. The analysis is based on photographs of over 2000 instances of urban graphic defacement (i.e., graffiti) documented in major cities across Russia, including Yekaterinburg, Moscow, Saint Petersburg, and Nizhny Novgorod. Utilizing content analysis and expert evaluation methods, the research delineates three key cognitive mechanisms that contribute to the semantic unity of graffiti. The first mechanism, compression, manifests in graphic defacements through linguistic play or the transmission of discursive texts. The second mechanism, defocusing, is linguistically actualized through the technique of absurdity (everyday anchors of illogicality) and the activation of the emotion of surprise. It is noted that surprise elicits various reactions from the audience — such as loss of control, bewilderment, and uncertainty — which subsequently leads to prolonged retention in memory of the meanings embedded in the respective graffiti against a backdrop of vivid and atypical psycho-emotional states. The third mechanism, focusing, is linguistically embodied in philosophical texts.

Key words:

vandalism; vandalistic texts; graffiti; cognitive mechanisms; linguistic mechanisms.

УДК 811.161.1'42:75

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-171-187

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Когнитивные механизмы граффити: компрессия, дефокусирование, фокусировка

© Бабилова М. Р., 2024

1. Введение = Introduction

Графические повреждения современного городского пространства, или граффити — одно из распространенных явлений, невольно формирующих настроение и образ мира горожан, а иногда переходящих в категорию прецедентных феноменов. Безусловно, граффити могут быстро устраняться коммунальными службами, но, прежде чем их удалят с какой-либо поверхности, они успеют быть прочитанными, замеченными, зафиксированными в памяти многих адресатов. Некоторые из них попадают в пространство интернета в виде броского поста, новости, и тогда они еще долго обрабатываются разными категориями пользователей интернета. Некоторые граффити, будучи нанесенными в неприметных местах, оказывают длительное влияние на отдельную категорию адресатов. В любой из приведенных ситуаций мы имеем дело с неким смыслом, осознание и восприятие которого зависит от многих факторов: адресата, используемого вербального и визуального инструмента влияния, расположения и пр.

Графические повреждения городского пространства рассматриваются с разных научных ракурсов: психологического, социологического, философского, лингвистического и др., что демонстрирует многомерность данного феномена. Следует отметить, что граффити обычно характеризуется как несанкционированное самовыражение разных субъектов: «убежденных райтеров, маргиналов, негативных лидеров, протестующих, скучающих, творческих, агрессивных и пр.» [Воробьева и др., 2015, с. 83—84]. Граффити часто ассоциируются с содержанием субкультурного, протестного или агрессивного характера [Кружкова и др., 2024, с. 72], нередко становясь визуализацией политических изменений и событий, происходящих в обществе [Sadaf Sultan Khan, 2024, с. 1]. В некоторых исследованиях отмечена и позитивная сторона граффити: «Сам инструмент граффити не является исключительно негативным и вполне может в себе нести пози-

тивный воспитательный потенциал, популяризируя и продвигая идеи традиционных ценностей общества, просоциальные установки, а также развивая рефлексивность и социальную ответственность личности» [Кружкова и др., 2024, с. 72].

При любом ракурсе рассмотрения изучаемого феномена перед нами всегда текст, в том числе состоящий из разных семиотических единиц: вербальных, визуальных, составляющих смысловое единство. Как любой другой смысл находит отражение в сознании адресата, так и смысл граффити, попадая в поле адресата, благодаря системе знаков «играет роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [Демьянков и др., 1996, с. 53].

При создании граффити применяются определённые механизмы, на основе которых впоследствии осуществляется и их восприятие адресатом, запоминание, расшифровка смыслов. Мы обратились к анализу и выделению таких когнитивных механизмов.

Выделение и классификация когнитивных механизмов позволит расширить существующие точки зрения на сам термин *когнитивные механизмы*, имеющий разные интерпретации в научном дискурсе: «Когнитивные механизмы, задействованные в процессе формирования смысла высказывания, еще не получили в современной лингвистической литературе достаточно четкого определения» [Болдырев, 2020, с. 132]. Позволим себе предположить, что конкретизация механизмов во многом обусловлена типом исследуемого дискурса, в чем и заключается актуальность предложенного исследования.

В данной статье мы продолжаем представлять результаты работы, посвященной определению особенностей восприятия и запоминания графических текстов городского пространства. Предложенные когнитивные механизмы сформулированы на основе выделенных глазодвигательных стратегий считывания граффити и специфики запоминания текстов [Кружкова и др., 2024].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили фотографии более 2000 единиц граффити, зафиксированных в крупных городах РФ: Екатеринбурге, Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, а также репрезентированных в профильных сообществах социальной сети ВКонтакте. Следует отметить, что в центре нашего внимания только те графические повреждения городского пространства, содержание которых легко воспринимается и понимается адресатом. Тематическая составляющая разнообразна.

Исследование проводилось в два этапа.

На первом этапе был проведён контент-анализ граффити. Данный метод был направлен на выявление закономерностей в формировании смыслов в образцах этого жанра, определение наиболее частотных языковых механизмов с целью последующего установления типовых когнитивных механизмов, задействованных при создании граффити; также были определены ключевые тематические блоки, транслируемые средствами городского пространства.

На втором этапе была проведена экспертная оценка. В экспертизе приняли участие десять человек — специалисты-ученые в области лингвистики, социологии, психологии. Экспертам была предложена серия фотографий с образцами граффити, а также классификация предполагаемых языковых механизмов, участвующих в формировании смыслов граффити. Основная задача эксперта заключалась в установлении соответствия между изображением и механизмом или же в предложении своего варианта языкового механизма. На основе экспертных оценок и комментариев были окончательно выделены три когнитивных механизма и языковые варианты их реализации.

Цель исследования видится в выделении наиболее распространенных когнитивных механизмов, положенных в основу граффити, посредством обработки объемного языкового материала.

Методологической базой исследования стали работы лингвистов, направленные на изучение когнитивных механизмов, участвующих в процессах порождения и восприятия смысловой структуры текстов разных дискурсов. В качестве ключевого тезиса, отсылающего к идее «активной инструментально-преобразующей роли языка как средства познания и категоризации мира» [Оленов и др., 2024, с. 141] и максимально отражающего цели и задачи настоящего исследования, хочется отметить мысль Н. Н. Болдырева: «Человек не отражает мир в языке, а конструирует его с помощью языка в своем сознании» [Болдырев, 2016, с. 10]. Граффити — своего рода продукт сознания, способ вербализации внутреннего мира, реакция на происходящие события, осмысленные сквозь призму собственного опыта «уличного художника». В свою очередь, восприятие граффити горожанами осуществляется на основе «активизации наиболее многочисленной группы когнитивных механизмов формирования смысла, специфика которых заключается в их «выделительном потенциале», конкретизирующем характере, ассоциативности и интегративности» [Ивашкевич, 2019, с. 5]. Оценка и идентификация когнитивных механизмов, участвующих в формировании смыслов графических повреждений городского пространства, является важной и малоизученной исследовательской задачей.

В современном научном дискурсе предложены разные варианты описания когнитивных механизмов. Так, например, Л. В. Воронина рассма-

тривает когнитивные механизмы персуазивности политического дискурса. В рамках ее исследования предлагается рассмотрение когнитивных механизмов, обеспечивающих формат убедительной речи, как одного из ключевых компонентов политического дискурса. К ним относятся профилирование, спецификация, концептуальная метафора и метонимия, интеграция, генерализация и пр. [Воронина, 2023].

Когнитивные механизмы рекламного дискурса представлены в исследованиях В. С. Григорьевой. В работе выявлены наиболее эффективные механизмы, действие которых сводит к минимуму коммуникативные провалы и неудачи в рекламных продуктах: профилирование, сравнение, спецификация, конкретизация, механизм метонимии и метафоры [Григорьева, 2020]. С. В. Канашина уделяет внимание механизму компрессии, ярко проявляющемуся в интернет-мемах [Канашина, 2015]. При изучении специфики формирования и модификации пространственных значений в английском языке И. Н. Ивашкевич выделяет такие когнитивные механизмы, как «концептуальная метафора, концептуальная метонимия, интерпретация, профилирование, фокусирование, дефокусирование, генерализация, перспективизация, концептуальное сравнение, аналогия и другие» [Ивашкевич, 2013, 2016].

В настоящем исследовании выделены те механизмы, которые не относятся к базовым концептуальным конфигурациям знаний. Способы трансляции смыслов граффити основаны на когнитивных механизмах, способствующих формированию специфических знаний об отдельных предметных сущностях. Иными словами, как отмечает О. В. Магировская, «конфигурация знаний на этом уровне осмысления заключается в концептуальном выделении дополнительных признаков отдельных категориальных областей на основе субъективной переработки языкового знания. Она зависит от конкретного акта концептуализации, т. к. всегда ориентируется на определенный ракурс индивидуального осмысления каждой концептуализируемой ситуации, ее участников и их отдельных признаков» [Магировская, 2013, с. 390]. В данном случае происходит формирование глубинных смыслов за счет большей когнитивной включенности адресата, а также более длительная фиксация транслируемых граффити смыслов в сознании. Специфика таких механизмов направлена на активизацию глубинных знаний адресата, которые «позволяют вычленять отдельные стороны и признаки целостных и потому более сложных концептов, осуществлять их конкретное и часто оригинальное преломление» [Магировская, 2013, с. 390].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В результате анализа объемного языкового материала удалось выделить три ключевых когнитивных механизма, лежащих в основе формиро-

вания смыслового единства графических повреждений городского пространства. Рассмотрим подробнее каждый из них.

3.1. Когнитивный механизм компрессии

Материализация результатов работы данного когнитивного механизма осуществляется с помощью языковой игры, основанной на имплицитности и средствах трансляции текста, задающего актуализацию специальных знаний адресата.

Механизм компрессии предполагает трансляцию смыслов средствами компактных языковых структур. Как отмечает С. В. Канашина, «концептуальным основанием для когнитивной операции компрессии является универсальный принцип экономии» [Канашина, 2015, с. 31]. Использование компрессии в граффити оказывает влияние на запоминаемость транслируемой в городском пространстве информации. Авторы граффити осознанно используют емкие фразы, комбинацию вербально-визуальных кодов и иных языковых средств, способствующих наиболее эффективному решению задач формирования определённого мнения, настроений в обществе. В свою очередь, зашифрованность смыслов обуславливает необходимость раскодирования смыслов, эффект озарения, активизации интуиции со стороны адресатов.

Реализация механизма компрессии средствами языковой игры — это способ трансляции мысли, который рассчитан в дальнейшем на приложение носителем языка интеллектуальных усилий для расшифровки смысла граффити. Вандальные тексты умышленно искажены по сравнению с некоторым прообразом, прототипом высказывания или изображения, видоизменены на разных уровнях: графическом, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, лексическом. Граффити могут быть представлены в виде:

- трансформации слова с помощью изменения цвета и размера букв, варьирования шрифта, использования поэтического способа передачи информации, подчеркивания текста и т. п.);
- трансформации слова с помощью переключения языковых кодов, в том числе — с привлечением средств другого языка;
- трансформации слова с помощью наложения рисунков на буквы;
- трансформации слова с помощью небуквенных символов (знаков);
- сочетания текста и рисунка, взаимодополнение которых позволяет адресату отразить полный смысл граффити.

Рассмотрим некоторые примеры граффити с использованием игровых приемов как на вербальном, так и на визуальном уровнях.

На рис. 1 представлено взаимодополняющее сочетание рисунка и текста. На визуальном уровне выделяется изображение боксерских перчаток

в черном цвете и лексема *слово*, нанесенная крупными буквами, белым шрифтом. Контрастность цветов и заглавные буквы вербального компонента привлекают внимание адресата. Полнота смысла граффити формируется только при совокупном прочтении, отсылающем к устоявшемуся в российской лингвокультуре пониманию, которое метко отражено в стихотворении В. Шефнера: *Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести*. В данном примере адресат разгадывает смысл. Вербальный и визуальный компоненты указывают на параллель между силой слов и силой физического воздействия, манифестированного символом боевых видов искусств — боксерскими перчатками.

Рис. 1. Разновидность граффити

Рис. 2. Разновидность граффити

На рис. 2 посредством переключения языковых кодов в пределах одного текста достигается игра смыслов. Перед адресатом фраза «*ну и скучно JE TEAM*». С одной стороны, языковая игра может показаться незамысловатой, если надпись прочитывается на основе принципов элементарной транслитерации: «*ну и скучно же там*», — это возможно при условии чтения на латинице. Однако более эрудированный адресат может интерпретировать текст двумя разными способами: или опираясь на перевод фразы *Je team* (орфография автора граффити сохранена. — М. Б.), или связывая два компонента — отсылку к стране, с которой соотносится второй, иностранный языковой код, и смысл первого русско-

язычного элемента граффити — синтетической расшифровкой «Ну и скучно во Франции». А тот, кто в достаточной степени владеет французским языком, может оказаться участником игры не только на уровне формирования смыслов, но также и на уровне исправления (пусть в одностороннем порядке) орфографии (корректное написание фразы «Я тебя люблю» выглядит как «Je t'aime»).

Другой способ актуализации когнитивного механизма компрессии заключается в трансляции дискурсивных текстов. Через образцы графического вандализма адресату предлагается экспликация информации, которая, в свою очередь, возможна благодаря специальным фоновым знаниям. Экспликация информации провоцирует углубление в подтекст сообщения и доступна для понимания только отдельным группам лиц. К таким группам чаще всего относятся различные субкультурные объединения, в том числе деструктивные группировки: например, экстремисты, националисты и другие запрещенные на территории РФ сообщества. Следует отметить, что граффити является для них одним из доступных и популярных способов самопрезентации и трансляции идеологии сообщества. Нанесение изображений специальной символики, коротких емких фраз позволяет представителям разных субкультур «общаться» между собой, отделять «своих» от «чужих», а также привлекать внимание и интерес тех, кто не владеет информацией, что зачастую негативно влияет на общество (особенно молодежную аудиторию).

Встречаются и нейтральные по смыслу граффити, позволяющие представителям некоторых субкультур проявлять себя, закреплять свое имя в городском пространстве, осуществлять «кодовую» коммуникацию, и в данном случае речь идет о субкультуре граффити. Художники могут использовать кодовую символику, понятную только таким же представителям субкультуры. В этом же ряду стоит сообщество футбольных фанатов, хиппи и др. С одной стороны, их тексты безобидны, но, с другой стороны, наносят вред городскому имуществу, при этом, как отмечают некоторые исследователи, «граффический вандализм, в частности граффити, является не столько признаком физического разложения и деградации городского пространства, сколько показателем культурной и социальной активности отдельных групп» [Кружкова, 2024, с. 32]. Механизм компрессии может быть реализован в том числе и через апелляцию к вербальным и визуальным прецедентным феноменам, емко «актуализирующим» тот или иной смысл граффити.

На рис. 3 представлена отсылка к субкультуре хиппи, пропагандирующей идеологию мира, свободы, духовности, красоты и пр., ее символ — пацифик. Кроме того, вербальный компонент граффити выполняет задачу прямого предъявления части идеологии данной субкультуры.

Рис. 3. Разновидность граффити

С одной стороны, прочтение текста случайным адресатом будет создавать ощущение объединения, формировать дружескую, поддерживающую среду за счет использования в тексте личных местоимений. С другой стороны, смысл приобретает завершенность при комплексном прочтении текста, с учетом значения дискурсивного символа (пацифик). Он понятен только представителям субкультуры или осведомленным лицам.

Компрессия выполняет несколько важных функций в искусстве граффити. Прежде всего, это трансляция объемной информации различного содержания при использовании минимальных языковых ресурсов, несущих глубокую смысловую нагрузку. Кроме того, компрессия направлена на кодирование информации, а ее декодирование выполняется наиболее успешно теми адресатами, кто посвящен и способен извлечь суть, тем самым актуализируя для себя, в своем мироощущении собственную культурную идентичность и чувство единения с автором граффити: «Чем более свернута структура, тем больше когнитивных усилий нужно приложить для декодирования этой структуры и тем большую роль начинает играть процесс интерференции, декодирования, “расшифровки” того, что было “зашифровано”» [Канашина, 2015, с. 31].

3.2. Когнитивный механизм дефокусирования

Языковая актуализация данного типа осуществляется через выделенный авторами исследования языковой механизм абсурдизации (повседневный якорь нелогичности). Механизм дефокусирования связан прежде всего со смещением «фокуса внимания с одного свойства объекта на другой» [Ивашкевич, 2019, с. 7]. Абсурдизация (повседневный якорь нелогичности) — графические повреждения городского пространства, включающие разные типичные для повседневности стимулы (как вербальные, так

и визуальные), используемые или преобразованные не в соответствии с их функциональным назначением, способны вызвать прочную новую ассоциативную связь на эмоциональном уровне. Упомянутый когнитивный механизм в данном случае способствует тому, что «осознанная мыслительная деятельность, направленная на устранение, выведение из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций» [Ивашкевич, 2019, с. 7], является релевантной для интерпретации заложенных в граффити смыслов. Рассмотрим некоторые примеры.

На рис. 4 представлена фраза «*БОЖЕ ХРАНИ эту странную дискотеку*», привлекающая адресата заглавными буквами и семантикой фразы, обращенной к Богу. Однако далее предлагается нетипичное продолжение, вызывающее удивление и, как следствие, способствующее длительной фиксации в памяти адресата. Смысл граффити дефокусируется, требует дополнительных усилий в восприятии и понимании. Автор акцентирует внимание на отдельных смысловых элементах с целью последующего формирования целостного смысла, который в результате может показаться адресату абсурдным вследствие смешения смысловых регистров.

Рис. 4. Разновидность граффити

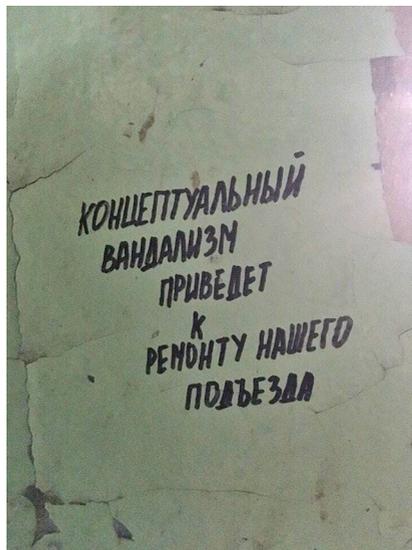

Рис. 5. Разновидность граффити

На рис. 5 реализация приема абсурдизации выражена трансляцией сложного в смысловом плане текста: *Концептуальный вандализм приведет к ремонту нашего подъезда*. Надпись была зафиксирована в одном

из подъездов дома постройки советского периода. Перед адресатом стоит непростая когнитивная задача — расшифровать значение словосочетания *концептуальный вандализм*. Для среднестатистического носителя русского языка обозначение феномена останется не вполне понятным, так как требует от адресата фоновых знаний, однако вторая часть текста, напротив, комментирует суть неизвестного объекта, недвусмысленно заявляя о его позитивном следствии, что вызывает удивление и, соответственно, задает эффект абсурдизации.

Положенный в основу когнитивный механизм дефокусирования провоцирует усиленную работу мозга, направленную на установление причинно-следственных связей в действиях, транслируемых граффити.

Функции данного механизма заключаются в активизации эмоции удивления. «Удивление понимается как одно из эмотивных состояний, являющееся ответом адресата на не соответствующий его жизненному опыту и представлениям о мире определенный стимул — услышанный, то есть вербальный, и увиденный, то есть невербальный. Именно это несовпадение, при котором вновь познанное (услышанное или увиденное) представляется непонятым, необычным, нереальным, неожиданным, странным, и вызывает удивление» [Анумян, 2021, с. 282]. Данная эмоция также провоцирует потерю контроля, человек не справляется с ситуацией, испытывая при этом ощущение растерянности, неопределенности. Будучи сильной, эмоция в последующем приводит к длительной фиксации в памяти тех смыслов, которые были заложены в соответствующие граффити на фоне яркого и нетипичного психоэмоционального состояния. Происходит разрыв «шаблонов» — языковых, ситуативных, логических — за счет резкого контраста или нелогичного сочетания компонентов текста. Задача граффити с рассматриваемым механизмом — обратить внимание адресата на глубину смысла, так как «дефокусирование можно рассматривать также с точки зрения возрастания роли фона, оставшегося невыраженным языковой формой...» [Ирисханова, 2014, с. 65].

В качестве примера можно упомянуть варианты так называемых концептуальных инсталляций. В 2017 году уличный художник в Казани разместил возле крупного торгового центра разбитый унитаз, написав на нем: *Ваши мечты*.

3.3. Когнитивный механизм фокусировки

Языковым воплощением данного механизма являются тексты-философствования. Графические повреждения городского пространства транслируют различные смыслы через философские рассуждения, побуждающие адресата к размышлениям, в том числе с целью закрепления действий субкультуры граффити в сознании адресата как чего-то идеализированно-

го, имеющего место быть в контексте социума. Механизм фокусирования «может быть направлен на различные компоненты независимо от их значимости» (Н. Н. Болдырев) [Цит. по: Ивашкевич, 2019, с. 6]. Реализуемый философскими надписями, он заставляет адресатов концентрировать свое внимание на целостном смысле всего граффити. Рассмотрим варианты их реализации в городском пространстве.

На рис. 6 представлен текст: *Всегда модно быть свободным*. Перед адресатом актуализация смысла слова *свобода*, суть которого раскрывается через концепт МОДА. Несмотря на изменчивость модных тенденций, свобода — вне этих изменений. Посредством данной фразы адресату предлагается поразмышлять над тем, что есть свобода и в чем она проявляется. Возможно, для кого-то этот вопрос будет стартом для самопознания.

Рис. 6. Разновидность граффити

Рис. 7. Разновидность граффити

Данный пример может также служить вариантом проявления юношеского протеста. Способом публичного противопоставления миру взрослых и имеющих в нем ограничений.

На рис. 7 также представлен текст, задача которого — заставить адресата задуматься и поразмышлять, но в данном случае граффити транслирует позитивный, жизнеутверждающий, мотивационный смысл. Определенный эффект оказывает форма подачи. Комбинация вербальных и визуальных элементов дополняют, усиливают значения друг друга: изображение

космонавта дополнено текстом «*До самой далекой планеты не так уж, друзья, далеко!*». В некотором смысле адресату предлагается рассуждение на уровне проведенной параллели между реальным достижением цели в виде преодоления расстояния от точки А до «самой далекой звезды» и достижением той цели, той «звезды», которая может быть у каждого своя. Граффити в данном примере представляется емким, глубоким по смыслу и ярким, привлекающим внимание горожан по форме выражения.

Основной функцией когнитивного механизма фокусировки является ориентация адресата на вдумчивое и осмысленное прочтение текстов, побуждение к размышлению и «медленному движению» по их смыслу. Какие-то фрагменты текста являются для адресата наиболее значимыми, и фокусировка на них является более длительной, другие фрагменты могут не иметь для адресата концептуального значения и упускаются, при этом смысл того или иного графического повреждения городского пространства конструируется нужным для адресата образом.

4. Заключение = Conclusions

Итак, можно сделать следующие выводы.

Эффективность воздействия граффити на реципиента обеспечивается действием когнитивных механизмов, учитываемых автором граффити при кодировании смысла и составляющих основу передачи смысла адресату, который затем при декодировании смысла совершает мыслительные операции, нацеленные на вычленение специфических знаний об отдельных предметных сущностях, транслируемых средствами граффити. Адресатом производится обработка смыслов, приводящая к выявлению дополнительных признаков отдельных категориальных областей на основе субъективной переработки языкового знания. Специфика таких механизмов направлена на активизацию глубинных знаний адресата и возникновению более сложных смыслов с индивидуализированным преломлением в сознании отдельных людей.

Исследование помогло выявить три наиболее частотных когнитивных механизма, имеющих в своем проявлении определенные языковые материализации:

1. Когнитивный механизм компрессии. Данный механизм проявляется в граффити через языковую игру или трансляцию дискурсивных текстов. Основная функция когнитивного механизма компрессии заключается в передаче объемной информации различного содержания при использовании минимальных языковых ресурсов, имеющих глубокую смысловую нагрузку. Кроме того, данный механизм направлен на дифференциацию СВОИХ и ЧУЖИХ в пределах городского пространства.

2. Когнитивный механизм дефокусирования. Языковая актуализация данного типа осуществляется через механизм абсурдизации (повседневный якорь нелогичности). Основная функция данного механизма заключается в активизации эмоции удивления. Будучи довольно сильной эмоцией, удивление провоцирует различные реакции адресата на увиденное и прочитанное — это потеря контроля, растерянность, неопределенность, что в последующем приводит к длительной фиксации в памяти тех смыслов, которые были заложены в соответствующие граффити, на фоне яркого и нетипичного психоэмоционального состояния.

3. Когнитивный механизм фокусировки. Языковым воплощением данного механизма выступают тексты-философствования. Главной особенностью механизма является фокусировка на глубинных смыслах граффити, побуждение к размышлению и «медленному движению» по смыслу текста. Как правило, такие граффити содержат риторические вопросы, воздействующие утверждения и, попадая в поле внимания адресата, укореняются в сознании и могут обрастать новыми индивидуальными смыслами.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Анумян К. С. Эмоция удивления как объект исследования прагмалингвистики / К. С. Анумян // Актуальные проблемы филологии. — 2021. — № 22. — С. 278—283.
2. Болдырев Н. Н. Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе / Н. Н. Болдырев, В. С. Григорьева. — Тамбов : Принт-Сервис, 2020. — 328 с. — ISBN 978-5-6044327-3-0.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2016. — № 4. — С. 10—20. — DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-10-20.
4. Воробьева И. В. Психология вандального поведения [Текст] : Монография / И. В. Воробьева, О. В. Кружкова. — Екатеринбург : УрГПУ, 2015. — 304 с. — ISBN 978-5-7186-0704-8.
5. Воронина Л. В. Когнитивные механизмы персуазивности политического дискурса / Л. В. Воронина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2023. — Т. 15. — № 1. — С. 17—27. — DOI: 10.17072/2073-6681-2023-1-17-27.
6. Григорьева В. С. Рекламный дискурс через призму когнитивных доминант его организации / В. С. Григорьева // Мир лингвистики и коммуникации : электронный научный журнал. — 2020. — № 62. — С. 283—297.
7. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика / В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина // Краткий словарь когнитивных терминов. — Москва : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — С. 53—55.
8. Ивашкевич И. Н. К проблеме когнитивного моделирования неопределенного количества (на материале имен существительных с пространственным значени-

ем) / И. Н. Ивашкевич // Когнитивная лингвистика : итоги, перспективы. Мат-лы Всеросс. науч. конф., 11—12 апреля 2013 г. Когнитивные исследования языка. — Москва : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. — Выпуск 14. — С. 181—187.

9. *Ивашкевич И. Н.* Роль зрительного восприятия в формировании метафорических моделей в английском языке / И. Н. Ивашкевич // Язык. Культура. Перевод. Ком-муникация : сб. науч. тр. / Моск. госуд. ун-т им. М. В. Ломоносова / редкол. : науч. ред. В. З. Демьянков. — Москва : Тезаурус, 2016. — С. 499—504.

10. *Ивашкевич И. Н.* Роль когнитивных механизмов в формировании непространственных смыслов в языке / И. Н. Ивашкевич // Евразийский гуманитарный журнал. — 2019. — № S4 (1). — С. 4—12.

11. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 320 с. — ISBN 978-5-9551-0678-6.

12. *Канашина С. В.* Когнитивный механизм компрессии в интернет-мемах / С. В. Канашина // Филологические науки в МГИМО. — 2015. — № 1 (1). — С. 30—39.

13. *Кружкова О. В.* Особенности восприятия учащимися городских граффити с выраженным воспитательным потенциалом / О. В. Кружкова, М. Р. Бабилова, С. Д. Робин // Образование и наука. — 2024. — Т. 26. — № 6. — С. 68—94. — DOI: 10.17853/1994-5639-2024-6-68-94.

14. *Кружкова О. В.* Вандально нанесенные тексты : потенциал «мягкой силы» / О. В. Кружкова, М. Р. Бабилова, С. Д. Робин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 96—117. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117.

15. *Кружкова О. В.* Вандализм. Почему не работает теория «разбитых окон»? / О. В. Кружкова // Психология и право. — 2024. — Т. 14. — № 3. — С. 26—38.

16. *Магировская О. В.* Когнитивные и языковые механизмы многоуровневой конфигурации знаний / О. В. Магировская // Когнитивные исследования языка. — 2013. — № 15. — С. 381—392.

17. *Оленев С. В.* Принципы транслатологии в современной когнитивной парадигме / С. В. Оленев, Л. В. Кушнина, К. В. Пермякова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 136—156. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-136-156.

18. *Sadaf Sultan Khan.* The writing on the wall : Identity, placemaking and territoriality in Karachi's graffiti culture / Sadaf Sultan Khan // Wellbeing, Space and Society. — 2024. — Volume 7. — Pp. 100214. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wss.2024.100214>.

*Статья поступила в редакцию 02.08.2024,
одобрена после рецензирования 15.10.2024,
подготовлена к публикации 21.10.2024.*

References

- Anumyan, K. S. (2021). The emotion of surprise as an object of research in pragmalinguistics. *Actual problems of philology*, 22: 278—283. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2016). Cognitive schemes of linguistic interpretation. *Questions of cognitive linguistics*, 4: 10—20. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-10-20. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N., Grigorieva, V. S. (2020). *Dominant principle and integrativity of the format of speech interaction in dialogic discourse*. Tambov: Print-Service. 328 p. ISBN 978-5-6044327-3-0. (In Russ.).

- Demyankov, V. Z., Kubryakova, E. S., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). Cognitive linguistics. In: *A concise dictionary of cognitive terms*. Moscow: Philol. fac. Lomonosov Moscow State University. 53—55. (In Russ.).
- Grigorieva, V. S. (2020). Advertising discourse through the prism of cognitive dominants of its organization. *The world of linguistics and communication: electronic scientific journal*, 62: 283—297. (In Russ.).
- Iriskhanova, O. K. (2014). *Focus games in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 320 p. ISBN 978-5-9551-0678-6. (In Russ.).
- Ivashkevich, I. N. (2013). On the problem of cognitive modeling of an indefinite number (based on the material of nouns with spatial meaning). In: *Cognitive linguistics: results, prospects. Materials of the All-Russian Scientific Conference, April 11—12, 2013 Cognitive Language research, 14*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 181-187. (In Russ.).
- Ivashkevich, I. N. (2016). The role of visual perception in the formation of metaphorical models in the English language. In: *Language. Culture. Translation. Communication: collection of scientific tr.* Moscow: Thesaurus. 499—504. (In Russ.).
- Ivashkevich, I. N. (2019). The role of cognitive mechanisms in the formation of non-spatial meanings in language. *Eurasian Humanitarian Journal*, S4 (1): 4—12. (In Russ.).
- Kanashina, S. V. (2015). Cognitive mechanism of compression in Internet memes. *Philological sciences at MGIMO*, 1 (1): 30—39. (In Russ.).
- Kruzhkova, O. V. (2024). Vandalism. Why does the theory of “broken windows” not work? *Psychology and Law*, 14 (3): 26—38. (In Russ.).
- Kruzhkova, O. V., Babikova, M. R., Robin, S. D. (2024). Features of students’ perception of urban graffiti with pronounced educational potential. *Education and Science*, 26 (6): 68—94. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-6-68-94. (In Russ.).
- Kruzhkova, O. V., Babikova, M. R., Robin, S. D. (2024). Vandalized Texts: Soft Power Potential. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 96—117. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117> (In Russ.).
- Magirovskaya, O. V. (2013). Cognitive and linguistic mechanisms of multilevel configuration of knowledge. *Cognitive studies of language*, 15: 381—392. (In Russ.).
- Olenev, S. V., Kushnina, L. V., Permyakova, K. V. (2024). Translation Principles in Modern Cognitive Paradigm. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 136—156. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-136-156> (In Russ.).
- Sadaf Sultan Khan. (2024). The writing on the wall: Identity, placemaking and territoriality in Karachi’s graffiti culture. *Wellbeing, Space and Society*, 7: 100214. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wss.2024.100214>.
- Vorobyova, I. V., Kruzhkova, O. V. (2015). *Psychology of vandal behavior [Text]: Monograph*. Yekaterinburg: USPU. 304 p. ISBN 978-5-7186-0704-8. (In Russ.).
- Voronina, L. V. (2023). Cognitive mechanisms of the persistence of political discourse. *Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology*, 15 (1): 17—27. DOI: 10.17072/2073-6681-2023-1-17-27. (In Russ.).

*The article was submitted 02.08.2024;
approved after reviewing 15.10.2024;
accepted for publication 21.10.2024.*